

The background of the cover is a vibrant sky with soft, yellowish-white clouds and a few bright, out-of-focus stars. On the left side, there is a large, stylized silhouette of a person's head in profile, facing right. This silhouette is filled with a gradient of colors, transitioning from a deep red at the bottom to a lighter purple at the top. On the right side, there is another large, stylized silhouette of a person's head in profile, facing left. This silhouette is filled with a gradient of colors, transitioning from a deep blue at the bottom to a lighter blue at the top. The two silhouettes appear to be looking at each other, creating a sense of connection.

FAL'K

---

АНЖЕЙ  
и  
ХЛОЯ

Fal'k Fal'k  
**Анжей и Хлоя**

«Accent Graphics communications»

2018

**Fal’k F.**

Анжей и Хлоя / F. Fal’k — «Accent Graphics communications»,  
2018

Любовь или искусство? Не принятие себя, как единое целое, порождает сначала внутренний конфликт между мужским и женским началом, переходя в болезненный душевный раскол и отрицание одной из своих частей, как будто ее не было изначально. Мужская миссианская половина подавляет чувственную женскую, запрещая ей быть и проявлять себя во внутреннем и внешнем мире, чему вторая яростно сопротивляется, превращая жизнь человека в не прекращающийся ад. Каждая из сутей пытается взять верх и выжить внутри одного человека, навсегда искоренив свою противоположность.

© Fal’k F., 2018

© Accent Graphics  
communications, 2018

# Fal'k

## Анжей и Хлоя

### Хлоя

В столбик. Фамилия к фамилии. Мне всегда было из кого выбирать. Как жаль, что прыгают кавычки. Доиграешься, мальчик. Я и твое имя обращаю в прозвище. И тебя я во что-нибудь обращаю... Непременно. Всему свое время. А нетерпеливым, Анжей, времени всегда отводят больше. Чтобы знали свое место.

Без симметрии. Не так начала, но переделывать не буду. А вот тебя, мой мальчик, да. Суровый. Огнем и мечом. По заливке. Чтобы знал. Чтобы боготворил. Чтобы любил за то, что нельзя приближаться. Чтобы сходил с ума, потому что не разрешаю смотреть. Чтобы горел в ярости за то, что презираю твои картины и себя на них. За то, что небрежна к тебе и мешаю твое бытие с чередой чуть менее красивых лиц. Иногда перфекционизм вреден и глуп. Ты позволишь мне все, Анжей. Выиграю я. Ты отдашь мне победу. Ты уже ее отдал. Тот, кто любит, Анжей, заранее проиграл. С поражением тебя...

Зачем нам эта игра? Карты рубашкой вверх.

### Анжей

Слово за словом. Спор двух одаренных эстетов. Двух льдин. Борьба. Готовность сорвать куш. Будь вызов менее сложен, ты не удостоила бы меня и взглядом. И как будто отпустили пружину. Только мы привыкли воевать.

Зачем мы постоянно скатываемся в один и тот же разговор, который не приводит ни к чему то общее, что есть между двумя людьми, но протаскивает мое личное сквозь тихую истерику и незаконное курение между плохо сцепленными вагонами скорого, фирменного, на котором я снова и снова, уже в который раз пытаюсь навечно от тебя убежать. Горькая правда. Курсирует дорожками слез, из-за которых расплываются буквы в книге. Петляет между крупными глотками воды, которые не утоляют жажду, мгновенно впитываясь в сухую гортань, из которой я с трудом выдавливаю слова. Обязанный говорить с тем, кто стоит и курит рядом, хотя его и не касается вся эта история. Я должен что-то отвечать. Держать руки по швам, вцепившись в край штанины, сдерживая эту неминуемую гибель плотины, которую строил всю ночь, но, как видимо, зря.

К чему этот разговор приводит тебя, взяв за руку и провожая в сон, в глухую полярную ночь. В неизвестном направлении. Без маршрута и адреса. Без. А мне снова гулять ночь по подоконникам и крышам, в свете нарастающей луны и при полном ее отсутствии, шлаться туда и сюда, ощущая под подошвами грань своей жизни. Чтобы остаться настолько в себе, насколько это поможет не переступить грань того, что я рисую в своих блокнотах на самом деле, когда уже нет сил не думать и молчать.

Что происходит внутри тебя, когда ты берешь в свои руки рисунки, сделанные якобы наскоро и небрежно. Что происходит с тобой, когда ты на все это смотришь, вскользь благодаря, а я бросаюсь на стену, потому в доме больше нечего разбить об пол, хотя я и приказываю своей совести держать в себе все то, что она еще способна удерживать внутри. Я объясняю себе, что все это нужно резать и топить, привязав к нему камень покрепче, чтобы ни штриха, ни одной зарисовки больше не попало в твои руки. Я знаю, что все равно отдам тебе новый рисунок. Я знаю, что буду потом сбивать кожу с фаланг пальцев за то, что снова открыл, сказал, вырвал изнутри без наркоза, на живую, как букет цветов, протянул тебе в руки всю эту

красоту, потому что я не нахожу в себе таких слов, которые я мог бы произнести вслух, не нарушив те правила игры, что ты решила обозначить между нами.

Уехать и вернуться. Вывернуться наизнанку. Сделать сальто из себя самого. Быть разрушенным до руин. Видеть в стекле вагона небо, траву, отражение себя. Говорить тебе то, что ты и так знаешь, по вечно прерывающейся связи. Расклеивать диалог надвое. Низводить его до «я больше не могу» и «доброй ночи». Вдавливает пальцы в тело карандаша, разрывая грифелем бумагу. Закусить кипенно-белую простынь до судорог и тошноты. Думать, куда я буду убегать дальше. Вспоминать, где проще получить визу. Смотреть в блокнот. Ломать карандаш. Потому что все это не закончится никогда. Потому что рисовать не для тебя – это преступление. А не рисовать – это смертная казнь. Это каторга. Это мрачнее и безысходней достоевщины и стихов Бродского. Но это все я выбираю добровольно. Поезд едет. Я рисую. Поезд едет. Я люблю.

Вышагивать по платформе марш на глупых и необоснованно длинных остановках. Натягивать рукава свитера на самые кончики пальцев. Потому что внезапно стало слишком холодно и дождливо. Хотеть полного одиночества. А получить вместо него лишь мысли о тебе. Да – это крах. И можно было даже никуда не уезжать. И что бы я сейчас ни рисовал, в какую сторону ни ехал, сколько бы ни курил и ни пил крепкого, я вынужден признать, что я хочу к тебе вернуться. Даже потому, что ты меня не любишь. Даже потому, что ты со мной играешь. Даже поэтому, Хлоя.

Я смотрю в лица людей, но вижу только твое. Я никем и ничем не могу тебя заменить. И живу ровно полжизни, потому что вторую свою половину я уже давно отдал тебе. Хотя ты меня об этом и не просила.

Ты знаешь, что когда-нибудь я уеду. Навечно. Ты чувствуешь, что это «когда-нибудь» подползает все ближе. Поэтому ты так старательно меня возвращаешь, когда время моего отсутствия превышает допустимый предел. И я поворачиваю стопы по направлению к тебе. Как намагниченный. Приползаю и валюсь в ноги. Кланяюсь. Оправдываюсь. Осыпаю тебя рисунками. И снова получаю стакан холодной воды в лицо. Ты хочешь, чтобы я всегда знал свое место. Я знаю. Мое место рядом с тобой. И все начинается снова. И все погружается глубже. Каждый рисунок становится все тяжелее, и я уже не столь уверен, что бумага выдержит все.

Мне остается любить тебя все тише, постепенно низводя этот вопль до молчания. Зарываться в тишину все глубже. Чтобы сквозь редкие минуты, когда ты застаешь меня врасплох, я говорил тебе всякий бред между правдой и ложью. Блефовал бы, как заправский игрок в покер, с которым никто не желает садиться за один карточный стол. Мне придется уходить все чаще. Уезжать все дальше. Улетать. Убегать. Уползать. Испаряться. Отрываться понемногу от тебя. Чтобы в один из дней я смог уйти навсегда. Весь. Начисто. Так же, как весь и начисто я ушел одним днем в тебя. Не оставив себе даже узкой тропинки назад. Прогони меня. Ведь даже за полярным кругом я буду гореть в этой лихорадке и забываться бредом, который не собьет ни водка, ни лекарство. И как ни выверни все это, мне нужно либо рвать, либо положить свою голову тебе на плаху. Иначе не выйдет, Хлоя. Это я уже проверял.

Пока ты спишь, мой самолет готовится к вылету. Чтобы доставить меня туда, где мне не дадут думать о тебе. Хотя обычно не спасает даже это. Мысли проносятся стаями птиц. Хочется взять тушь. Укрыться в лесу. Рисовать по камням, по воде и земле. Вечером побыть одному на шумных улицах. С машинами и пылью. Пошататься по ловко спрятанным переулкам и тупикам. И чтобы не было фонарей. Но я все никак не могу уловить те моменты, когда на глаза наворачиваются слезы. Быть может, от полупустых взлетно-посадочных полос, на которые самолеты прилетают только транзитом. Может быть, от того, что я просто устал был постоянно где-то между небом и землей. Вечный скиталец. Без собственного дома. Скоро перейду на подножный корм.

Я согласен. Пусть моя любовь к тебе просто будет. Главное, чтоб не эффект плацебо. Не попытка подмены божьего дара традиционной формой завтрака. Не маскировка. Не заигрыва-

ния я совестью, чего я, конечно же, не признаю. Не атеистически иступленный культ безбожия при ношении креста на груди и кольца на пальце. Только бы не это все. Если что-то и есть настоящего в этой жизни, то пусть это будут ты и все мои краски.

Я герой всех известных человечеству мифов. Предпочитающий переживать каждый на собственной шкуре. Отвергая опыт веков. И вовсе не потому, что на виски давит Эго. Просто я такой. И другим быть не умею. Спокойный, как норвежский фьорд. Уставший как собака. Что я понял и осознал за все свои бесконечные путешествия? Что пытаюсь тебя разлюбить, я влюбляюсь в тебя все сильнее.

## Анжей

Чтобы не думать о тебе и про тебя, нужны большие расстояния. Чтобы хоть как-то трезветь и вспоминать, кто я на самом деле, нужны внезапные побеги. Немедленные и хаотичные. Похожие на желание увидеть мир. Несущие правду лишь только о том, чтобы я прекратил на тебя снова смотреть.

Пока я ожидаю посадки в самолет, ты занимаешься чем-то своим. Женским. Скоро у меня будут фотографии всех аэродромов мира и вся топографическая съемка планеты Земля. Не в очень хорошем качестве. Зато от самого чистого сердца.

Я никогда не сообщаю о своих отъездах. И ты предельно равнодушна как моему наличию, так и к отсутствию, чтобы хоть как-то их переживать. И я обрываю связь. И я перестаю писать, звонить и думать о тебе. Бесчисленные трапы. Бесконечные взлетные полосы. Ветры новых стран и городов. И я поистине уже готов к перемещениям уже космических масштабов. Вычеркиваю тебя. И через пару дней ты разбиваешь вдребезги мой мир своим: «Привет. Ты знаешь, я ведь все-таки скучаю». Я знаю, Хлоя, что я полюбил. Тебя. Ту, которой не нужна любовь. Ни моя. Ни чья бы то ни было еще. У тебя своя игра. А у меня своя.

Непредсказуемость. Не поддается контролю. Я так много думаю в пути, что к вечеру начинает болеть голова. Я отказываюсь от коммуникаций и звуков. На свинцовых ногах бреду в место, которое будет мне домом. Пока оплачено. С обязательным выселением до полудня. И счетом за мини-бар. Я не хочу есть и пить. Я хочу рисовать, мечтать и драться. Ненавижу людей. Живое кольцо сжимается вокруг меня, как терновый венец. Строю свой мир за их спиной. В обход. Возможно, иногда вслепую. Еще бы знать, как взять и разлюбить тебя. Пока еще жив и дышу.

Устал. Никакого воздуха в ближайшие четырнадцать дней. Я сам весь из воздуха и воды. Я должен много рисовать. До середины осени свести все линии в одну. Окончить начатое. Начать новое. Не похожее ни на что. Какая кому разница, что я задумал там, внутри своей совершенно не подходящей для этого мира головы. Я давно не рассматриваю эту жизнь как возможное место для внезапного волшебства. Потому что все, что происходит в ней, априори можно считать диким чудом. Кроме этой любви. О которой я не просил. Но которая пришла. Сама. И ты расскажешь, что мне с ней делать, Хлоя, я буду тебе благодарен. Да ты промолчишь. Только дурак раскрывает карты в самом начале игры. Я для тебя лишь начало тепла. Ты для меня – конец моей жизни.

Хмурый и мрачный. Как небо ноября. С лицом цвета асфальта и синяками под глазами. Больше похожий на беглого преступника, чем на интеллигентного художника, я иду по дороге и пытаюсь понять, кто я тебе. Но ответ не приходит. Потому что я тебе никто. И поэтому прощай. Я уезжаю. Снова. В который раз. Сколько я репетировал эти слова. Проговаривал их внутри, забегая в открытые двери вагона. Собирался с мыслью, что пора. Что я должен. Что... Что? Я мог бы уйти. Я мог бы остаться в любом из городов, куда меня заносит время. Я мог бы не приезжать больше в это место. В то место, где есть ты. Я не привязан ни к одной из территорий ничем, кроме своего собственного желания прийти.

Прямая дорога. Через пыль и уродливый ландшафт. Через боль, огонь и пламя. Через любовь, тоску и пустоту. Через небо, землю и отчаяние. Через счастье, грань тепла и безысходность. Через ветер, снег и дождь. Через мое, твое и наше. Через жизнь, смерть и возрождение. Через единственное, что есть во мне и у меня. Через слова, отрывки, диалоги. Через краски, кисти и черновики. Через книги, разговоры и цвета. Через правду, ложь и темноту. Через день, и через два, и через «никогда». Когда я утром где-то там, а ты где-то тут. Через силу и бессилие любви к тебе. Через...

Я проиграл, Хлоя. Скажи мне, как мне тебя разлюбить?

## Анжей

Ты когда-нибудь задумывалась, как начинается мое обычное утро? О чем я мечтаю, когда на плите в полной темноте варятся первые глотки кофе. Ровно на одного. Так, чтобы смело проснуться. Начать день. Перейти из него неспешными шагами в вечер. Не заметить, как придет ночь. В которой снова не будет тебя. Но останется тонкий привкус минут, в которых я говорил с тобой и молчал.

Ты когда-нибудь задумывалась, как сильно мне тебя не хватает? Ежечасно. Ежеминутно. Ежесекундно. Всегда. Всегда. Всегда. Так не хватает хлеба голодным детям. Так не хватает воздуха, когда ударят под дых. Так не хватает жизни, когда приходит смерть. Так не хватает тебя всей. Мельчайших частиц. Микронов и атомов. Твоей тени и твоих следов. Оттенков голоса и льда радужной оболочки. Запаха, цвета и вкуса. Тела и души.

Бред психически нездорового человека. Запереть на замок. Сослать. Чтобы не нес ересь. Чтобы не говорил ерунды. Но мне можно все. И я шлюсь на свободу. Опасный и отчасти злой. И что мне эти люди, когда на чашу весов положено все... Я сам лежу на этих весах.

Ты когда-нибудь задумывалась, как сильно я схожу с ума? Когда осознаю все грани правды о тебе и о себе. Когда делю и отделяю. Скальпелем. Режу. Голыми руками. Рву. Уродую. Чтобы не смотреть. Чтобы оправдаться. Чтобы убежать за поворот. Чтобы... Чтобы быть и не быть одновременно. Ты смотришь мне в глаза. Ты ждешь. Что я могу тебе сказать? Только то, что я трус. Такой же, как и ты, Хлоя. Такой же, как и ты...

Какого черта... Орать и выть. Пока на губах не проступит белая пена. Синее небо. Кружу по одним улицам. Как заведенный. И окружаю тебя. Слева. Справа. Бэк. Фронт. И ты не объяснишь мне, что так делать нельзя. Я не пойму. Я стану глупым, чтобы не пропускать внутрь слова. Ты хочешь, чтобы я был таким. Веребочка. Сердце на лоскуты. Поиграешься и бросишь? Который я по счету, Хлоя? Ведь ты ведешь нам счет... Но я уже иду. К тебе. Войной. Ты сдашься. Игра. Битва. Ты так хотела меня получить, что теперь я иду к тебе сам. Что принесу я тебе? Смерть или ветер? И можно было бы поставить точку, будь хоть один из нас обучен и приучен к металлическим остановкам и трезвым доводам рассудка. Да это не про нас, Хлоя... Это все не про нас... Ты уже захотела, чтобы я стал твоим. Навечно. Ты уже захотела, Хлоя... Но что ты готова отдать взамен?

Ты когда-нибудь задумывалась, Хлоя, что тебе придется положить на весы не вещь? А себя. Швырнуть на вторую чашу. Напротив той, где уже лежу я. Кто кого, Хлоя... Кто кого?

Привязан к тебе. Прикипел, как пятно к рубашке. Не отделить. Не изменить этих ежедневных попыток стать ближе. Но по-прежнему не соглашаться с этим. Привязана ко мне. Но пока нет смелости называть слова словам. Всему даешь странные имена. Ты можешь оправдываться внутренне, сколько тебе угодно. Я давно уже все прочитал на дне глаз. И пока я молчу. Ты просишь молчать. Я исполняю. Иногда я бываю послушным. Совсем ненадолго.

Я все давно уже нарисовал.

## Анжей

Мирный договор не подписан. Белые флаги не вывешены. Противник желает воевать до последней капли крови. Я не прошу о капитуляции. Я вообще ни о чем тебя не прошу.

Стою на противоположном берегу реки и смотрю, как ты своими руками поджигаешь город с четырех сторон. Взывать к здравому смыслу бесполезно. Жги. Это твоя земля. Не оставь ни частицы живого. Пусть умрут все. Пусть умрет всё.

Остановись, Хлоя... Твой народ хочет жить.

Нет никакой войны. Отсутствуют причины для демонстрации силы. Я покинул твою орбиту, чтобы обоим было легче дышать. Что же ты не дышишь?.. Я остановил наше общее время, чтобы для тебя и для меня оно текло с разной скоростью. Что же ты не живешь?..

Нет никакого «вместе». Если оно когда-то и было, forget it please. Не следует занимать память лишними фрагментами. Никто никого не берет в плен. Не пытается заложников бессонными ночами. Не проводит перекрестных допросов и не получает ложных ответов. В затылок больше не упирается дуло, а в виски провода от полиграфа. Солнце всходит и заходит над мирным городом. Каждый день. Так какого черта ты делаешь вид, что это не так?!

Тебе нужно стать жертвой? Хорошо. Я принял твои условия. И я не хочу больше говорить. Я больше не намерен доказывать то, что не требует никаких доказательств. Слова обдирают кожу. Слова царапают сердце. Слова ставят на колени. Твои слова. Я ушел, Хлоя. Но ты продолжаешь меня держать. Зовешь. Возвращаешь. Наступаешь на горло. Хорошее праздное развлечение. С одним из.

Готовься. Будет бунт. С одним из. И я уже навряд ли тебя пощажу. Будь великодушна, Хлоя. Выйди из игры сама.

Я задавался вопросом, зачем я тебе. Я не смог найти на него ответ. Пришлось придумывать свой. Когда-нибудь я все это забуду. Я уже не могу вспомнить тех имен и лиц, которые еще прошлой осенью бродили кругами и полукругами вокруг моего однозначного «нет», уверачиваясь от моего четкого «подите к черту». Когда-нибудь тебя тоже согрет это время. Безжалостно. И беспощадно. Пусть так и будет. Пусть будет именно так.

Я ненавижу тебя, Хлоя... Кто сказал тебе, что быть человеком с другими людьми – это унижение? Забирай, Хлоя. Забирай все. Вот тебе мои краски – рисуй. Вот тебе мое сердце – топчи. Вот тебе моя душа – плюй. Вот тебе мое слово – переворачивай. Вот тебе моя жизнь – прерывай. Я уже не могу себя склеить. Слишком мелкая крошка. Остаются пустоты и трещины. Наскоро забитые фанерой окна. Шрамы, портящие красоту породы. Протезы на месте живых частей.

Ты могла бы меня прогнать, как пса. Даже не объясняя причин. Ты не решаешься это сделать. Играешь. Держишь меня про запас. Смотришь, как я тону. Топишь ладонью. Бросаешь веревку. Приближаешь. Отдаляешь. Смотришь, как далеко ты сможешь зайти. Как близко я смогу подпустить. Как сильно можно перегнуть палку.

Я выхожу из игры. Финал. На песке не осталось следов. Тонкая ниточка крови, ползущая по зеленой траве. Тебе достанется только лишь это. Тебе не достанется объяснений. Я вернусь туда, откуда начал. Туда, где так внезапно оборвался мой путь. Потому что я встретил тебя.

Я не знаю, как я буду стирать тебя из своей памяти. Кем и чем я буду тебя забывать. Когда-нибудь будут и светлые полосы. Если я извлеку уроки из всех своих прошлых поступков, я смогу сделать их бесконечными.

Когда закончится этот день, я буду очень далеко. Я запомню тебя безупречной. Каким меня запомнишь ты, я уже не узнаю. Да и не нужно. Даже у любви должны быть границы. Я долго был глух к судьбе. Пора признать, что я проиграл. Чтобы действительно исчезнуть, нужно оставить после себя пустоту. Любовь к тебе – это болезнь. Я хочу таблетку.



## Анжей

Ты. Ты – это вечный дом. Та, кто сидит и ждет. Ты видишь в этом ожидании сокровенный смысл. Оно простое и понятное. Оно – это чашка с горячим чаем и ложкой сахара, которая всегда стоит на столе, если вдруг я приду именно сейчас. Каждая секунда жизни – это именно сейчас. Не бывает лишних мгновений. Не бывает разбега перед прыжком. Не бывает ничего из того, что бывает у других.

Я. Я – это вечный путь. Тот, кто всегда возвращается домой, чтобы скоро уйти. Оставить тебя одну. Один на один с ожиданием. Меня. Тебя. Нас. Ты ждешь. Я иду. По тонкой ниточке. По выющийся узкой дороге. Ты ждешь, помня о том, что я никогда не вернусь. Я возвращаюсь, зная, что я никогда не останусь.

Кого ты ждешь? Куда я возвращаюсь?

Ты та, кто всегда находит слова. Гладит по голове, чтобы не было больно. Лечит. Я тот, кто молчит и смотрит. Длинным взглядом. Я тот, кто не может прийти навсегда. Ты та, кто согласен принять эту данность.

Иногда накатывает безысходность. Нужно либо рвать, резать, ломать, либо... Долгие-долгие дни, полные раздумий. И ты рвешь, Хлоя. Ты решаешь, что нужно порвать, что меня очень много, что тебя чересчур, что всего этого хватит. Ты уходишь, не допивая чай. Из диалога. Из дома. Из моей жизни. Ты уходишь, и я падаю на пол. Сердце посыпалось стеклом. Ты молчишь. Но я уже знаю, что тебя больше нет. Тихое предательство. Я принимаю этот исход.

Я рву. Я бегаю глазами по страницам, не понимая текст. Буквы обтекают меня, не собираясь в слова, не имея значения и перевода, потому что я тоже рву, я выдираю это все, я, как и ты, тоже иногда это делаю. Я, как и ты...

Кто из нас более нетерпелив?

Кто сильнее подвержен страху? Я никогда не просил тебя о верности. И лучше бы, девочка, ты никогда не давала мне клятв. Так было бы проще уходить. Тебе. Мне. Нам. Без обещаний, Хлоя, смерть выглядит более гуманной.

Это не повод тебя не любить. Это не повод не видеть, что ты плачешь. Я знаю, где ты прячешь свои слезы. На моем правом плече. Ты часто заставляешь меня думать о том, что было бы с моей жизнью, не будь в ней тебя. Вопросами. Мыслями. Взглядом. Я брал из наших дней гораздо больше, чем могло показаться со стороны. Я ими жил. И я ими живу. Пока ты не решаешь, что всего через край, что это пора прекратить. Я никогда не просил тебя ни о чем. Я даже почти ничего не спрашивал. Вакуум и туман. Односторонняя картина мира. Я уже привык ничего не знать о тебе, поэтому мне все чаще начинает казаться, что я тебя просто придумал. Скажи мне, Хлоя, что это не так. И можешь закрывать дверь. Нужно хоть раз в жизни довести что-то до конца.

Ты задаешь вопросы, от которых мне больно. Чтобы слышать ответы, которых ты ждешь. Жестокая девочка. Как ни крути. Ты задаешь вопросы, на которые я должен отвечать честно, иначе ты встанешь и уйдешь, но где лежит та грань между нами, через которую я не должен переступить, чтобы сохранять свое хрупкое равновесие относительно тебя, которое я уже почти не удерживаю и которое ты ежедневно испытываешь на прочность. Если ты уходишь, Хлоя, значит, к этому есть повод. И, видимо, довольно веский. Я не буду спрашивать тебя почему. Ответ на этот вопрос уже давно лежит за гранью добра и зла. Во всяком случае, для меня.

Я не могу удержать наше время. Больше не могу. Оно стало другим. Я должен говорить правду. Тебе. Себе. Нам. И я не хочу. Я не желаю ее говорить. Я хочу оставаться трусом.

У каждого из нас своя жизнь. Была. Есть. Будет. А я упорно отказываюсь это понимать, пытаюсь сделать из нас что-то общее. Ничего не будет. Никогда. Я это знаю.

Повод. То, что всегда идет первым приоритетом. Нужно пореже удивляться своим состояниям и просто смотреть глубже. Можно увидеть много интересного. Я все понимаю. Я большой. Каждому свой долг. Каждому свой крест. Пока ты рядом, я могу вынести все. Даже осознание того, что я выношу. Ты закрываешь дверь. Это не испытание, Хлоя. Это больше похоже на смерть.

Зачем? Это вопрос. Тебе. Мне. Нам. Ты больше никогда не обнимешь меня. Больше не будет минут, когда я вечно живу и навсегда умираю. Чего здесь больше, Хлоя? Чего здесь не было никогда?

Об эту жизнь разбивается все. Даже камни. Иногда я ставлюсь таким пустым, что внутри меня нет тишины. Бывают дни, когда хочется лечь на землю и орать. Но людям не нравится такое поведение. Людям нравится лицемерить. Притворяться. Лгать. Избегать. Людям нравится двойное дно. Во всем. Даже в себе самих.

Сколько времени нужно, чтобы понять простые банальные вещи? Много. Очень много. Кому-то нужно целых два часа, а кому-то хватает всего лишь жизни. Сколько времени мне было нужно, чтобы понять свою любовь к тебе? Ее сложность и простоту? Ее край и невозможность. Ее глубину и мель. Сколько еще раз я буду открывать в ней тебя. Себя. Нас. «Нас». Хрупкое, неокрепшее... Сколько времени прошло с нашего первого взаимного слова, когда ты и я решили, что, пожалуй, можно, что, наверное, ничего страшного не случится, если будет то самое, неуловимое, что отличает наши тексты и голоса от множества других людей, и я буду даже посреди бездонной серой тишины знать и чувствовать, как я тебе снюсь. Снился. Я расплачиваюсь за это по особому счету. Ты никогда не узнаешь по какому.

Спираль времени. Твоего. Моего. Нашего. Не нашего. Чужого. Отличного одно от другого, как черное от белого, не приходящего в ту точку, где оно неделимо, ибо оно делимо всегда. Между мной и тобой пропасть. Она будет расти. Я не могу нас склеить. Как бы сильно я этого ни хотел. Ты любишь меня. Ты не любишь меня.

Все, что я говорю, я говорю для тебя. Каждый отрывок. Каждую строку. Каждое подлежащее и сказуемое. Нет никаких историй и сюжетов. Есть ты и я. Нет никакого «потом» или «когда-нибудь». Есть краткое и лаконичное «никогда».

Нам больше не нужны слова. Но мы их говорим. Потому что остаться без слов страшно. Страшно, если кто-то один замолчит. Что тогда будет делать второй? Страшно, что будет слишком глубоко. Или не слишком? Когда вопросы начинаю задавать я, мир вокруг опасно расшатан. Но я тоже хочу спрашивать. Очень редко. Но очень четко. Я практически не получаю ответов, хотя уже одно твое молчание – это достаточная пища для размышлений. Теперь, Хлоя, оно будет вечным.

Говорить тебе правду – это быть очень смелым. Это быть героем. Это быть тем, кем я всегда пытаюсь стать. Говорить тебе правду – это знать, что все, что ты услышишь, останется в тебе, что каждое слово будет пережито, осмысленно, разложено на части, что каждая буква отзовется и резонирует, будет пульсировать и жечь, но если говорить только о любви, то это будет похоже на ложь, очень жестокую и очень сладкую, которой уже и так вполне достаточно в этом мире. Я не умею тебе лгать, прости. Я не умею замалчивать настоящее и подлинное. Ты почувствуешь все и без моих слов.

Я должен быть честным. До конца. Потому что вот он, конец. Я должен быть честным. Всегда. Иначе не стоит смотреть тебе в глаза и видеть через тебя целый мир. Я должен быть честным. Чтобы выдержать твой уход и остаться живым.

Прорасту в тебе зернышком, пушу корни, тонким стеблем окрепну в тебе, заплачу, разольюсь соленым морем, обмелею до острых камней, превращусь из птицы в зверя, из зверя в человека, из человека в горсть земли, из земли в дерево, из дерева в соль морей, из соли в океанский вой, в ураган, в огонь, в следы на потолке от бессонной ночи. Ночь за ночью, день за ночью, утро за ночью, я за ночью... Гнался, оступился, ободрал коленку... Йодовую кле-

точку, как в детстве... Я художник, я нарисую... Сам нарисую... Подуть скорее, чтобы прошло. Потом гордо показывать раны, полученные в битве с полом, вешать на грудь ордена из каштана и дубовых листьев, брать себе в армию все незабудки и колокольчики, что растут по склонам холмов, вести за собой на войну бело-синих, самых нежных и добрых воинов, чтобы у каждого в сердце проросло по цветку, чтобы навсегда-навсегда, просыпаясь по утрам и еще не открывая глаз, люди клялись быть светлыми вопреки всему.

Умываться росой, обращенной из инея в ледяные капли, продрогнуть от ступней до волос, истончить губы, обелить кожу, расписать вены сине-фиолетовым, изрезать о скулы пальцы, футболку, свитер, распустить клубок пряжи, бежевой, теплой, проложить дорожку от моего неизвестного бытия к твоему порогу, но пойти в другую сторону, от своего дома, но не к твоему, чтобы ни ты, ни я не знали адресов друг друга и не нагрянули вдруг как-то раз в гости, чтобы ни ты, ни я не прикасались ко времени, что мы теперь проводим порознь, чтобы больше никогда не нужно было прощать того, кто разорвал твою душу в клочья.

Выскочить в ноябрьский холод в расстегнутой куртке и нырнуть, как в лисью нору, в кофейню, что всего лишь соседняя дверь моего нового дома, который я снова покину на днях или в ближайшее время, потерять сознание от запаха кофе и миндаля, от ясных и голубых глаз бариста, от маленьких столиков и книжных полок по кругу, от неба над головой и от земли под ногами, от того, что не нужно больше ничего и никого выбирать.

Я не знаю, как простить того, кто сжег душу. Ты закрываешь двери и уходишь в свою личную жизнь. Я остаюсь в своей. Прощай, Хлоя. Когда-нибудь я смогу объяснить себе и это.

### Анжей

Ты приходишь каждый день. Ты врываешься в мою жизнь без стука. Ты делаешь с ней все, что ты хочешь. Я позволяю тебе делать это. Это все я позволяю тебе сам.

Ревность. Дикая. Бесконтрольная. Животная ревность ко всему тому, что тебя окружает. Ко всем. Не разбирая и ничего не объясняя себе. Я не могу ее погасить. Не могу с ней справиться. Не могу накормить этого зверя, чтобы он ушел обратно в свое логово и оставил меня. Не могу?.. Не хочу. Не желаю... Мне нужно, чтобы так было всегда. Чтобы я навечно был с тобой созависим. Ты ведь тоже не спешишь заканчивать эту игру. Тебе нужна моя ревность, моя боль, мой гнев и ярость, хотя ты всем своим видом показываешь обратное. Но как ты счастлива, Хлоя, когда я, обессиленный своими демонами, валяюсь тебе под ноги, как ветошь, как барахло, как убитый и не похороненный солдат. Это самые дорогие твои минуты. Одному нравится делать больно. Второму терпеть. Но мне должно нравиться рисовать. А что должно нравиться тебе, я не знаю. Я не стремился найти о тебе правду. Мне вполне подходит иллюзия. Один бьет. Второй подставляет щеку. Только бы роли не поменялись. Мой удар будет сильнее.

Я не ждал ни тебя, ни любви. Я не могу до сих пор наречь эти внутренние конвульсии каким-то добрым словом, потому что так не любят, да и любят совсем не так. Ты думаешь, что один из нас сильнее другого? Ложь. Мы оба одинаково слабы. Тот, кто первый захлопнет дверь, будет образцом для подражания. Мне все равно, кто из нас это будет. Потухнет пожар. Погаснет огонь. Осядет вода. Успокоится ветер. Останется пустота, как наглядное олицетворение войны, в которой умерли все, потому что не за что было драться. Так положено, Хлоя, ненавидеть и идти на войну. По крови не растет трава. По выжженной земле не бегают дети. Я принял и уместил в себе тот шаг, который сделает кто-то один. Я уже сросся с возможностью быть первым. Мне все равно, если я буду вторым. Это, конечно, ничему меня не научит. Но хотя бы отпустит...

Животное. Разрывающее чужака в границах своих владений. Но я тобой не владею. Так откуда тогда этот ад... Великая жизнь и великое испытание. Было бы привычней сбегать по утрам из постели, пока никто не видит, не слышит, не ищет руками между подушкой и одея-

лом. Проще на лестничной клетке в пролете бегом натягивать свитер и шапку до самых бровей, вылетая с черного хода, дворами и наискосок, потому что туда не выходят окна и некому стоять на дозоре, засаживая пулю между лопаток. Чтобы не повадно было. Лучше пьяным в темноте давать такие клятвы, которым позавидует даже Бог, а потом растворяться в ночи и тумане, уезжая на первом подвернувшемся такси домой – спать и забывать. Письма выбрасывать в урну возле подъезда, разбивать телефон об асфальт. Заводить новые координаты и знать, что теперь у тебя на один номер меньше, а на один грех больше, что еще одна жизнь разбилась об твою, а тебе было не очень-то и надо. Охота. Иногда бывают осечки. Потому что ублюдок и донжуан, который не разбирает категорию жертв, а просто идет на все живое и движимое в одном направлении. Пару улыбок. Несколько нужных слов. Человек-перевертыш. Пока требуют обстоятельства – раб. А потом жестокий хозяин. Потому что мы поменяемся, Хлоя. Недалек и тот день, когда ты будешь лежать у моих ног. Ты знаешь, что нужно для этого сделать. Поэтому ты медленно выжираешь мое личное сердце, чтобы я не дай бог не наступил на твое.

Посмотри на меня, девочка. На скандалиста и манипулятора, доводящего до истерики и покаяний даже тогда, когда сам не прав, когда уже близится край, когда к горлу приставлены вилы, когда уже нужно остановиться и дать зализать рану, из которой фонтаном бьет кровь. Я умею быть и таким. Я умею быть разным. Ты пока не видела этих лиц. Стоит только ответить мне добром, я покажу каждое. Я люблю тебя. Я не люблю тебя.

Я делаю из тебя то друга, то врага, чтобы было ради чего стоять на месте или исчезать навсегда и быть вечно озабоченным только этим бегом «к» и «от», не оставляя более времени и сил ни для чего другого в своей жизни. Стирать себя из жизней гигантским ластиком тишины ровно в ту секунду, когда станет скучно. Мне не скучно с тобой, только пока ты меня держишь на поводке. Но даже зная это, я никуда не уйду. Я привык играть привычные роли. Ты тоже. Поэтому, даже уйдя, ты все равно непустишь. Ты мой враг, а я твой. Враг живет ненавистью, и враг будет держать строй. Враг будет стоять там, где ты его никогда не увидишь, чтобы убить. Обязательно. Со спины. Если я говорю ересь,пусти меня, Хлоя. Просто возьми и попросишься со мной. Не торопиться? Значит, принимай и такие правила игры.

Всегда выбирать что попроще. Или не выбирать ничего. И это поистине самое счастливое время жизни. Плыть по грязной реке и смотреть на небо. Плыть. И не тонуть. Бессмертны не выбирающие. Гарпуном в глотку ветки, камыш и трава. Нарезают на ремешки. Да пошло оно все...

Быть варваром. Не быть человеком. Сегодня я ставлю точку в истории, имя которой Анжей. Чтобы не жить, как жил. Я теряю себя, и пока я могу хоть что-то спасти, я воспользуюсь этим шансом. Я потерял себя в тебе. Сам так решил. И сам решаю обратное. Задохнулся. Распался на куски. Позабыл, когда в последний раз радовался тем вещам, что имели для меня одному лишь мне понятный смысл. Я заменил ткань своей жизни тобой. Зачем я сделал это, Хлоя? Потому что, когда пришло время выбирать свой путь, я не смог. Теперь могу. Чтобы родиться заново, нужно умереть. Это не страшно. Если знаешь, зачем. Я знаю.

Ты должна быть счастливой. Счастливым должен быть и я. Моя тьма и твой свет. Можно и наоборот. От перемены мест... Я уйду, Хлоя. Пора давать занавес. Время сотрет из твоей памяти все. Время сотрет и меня.

## Анжей

Вот и все. Пустота. Великое ничто. Нет меня. Нет тебя. Нет нас. И, значит, нет никакой любви. Ты свободна от меня. Моя жизнь никогда не коснется твоей.

Вот и все. Я уйду. Я ушел. Захлопнул дверь. Закрыл на ключ. Сжег дом, чтобы больше в него не возвращаться.

Вот и все. Закурил и промок под дождем. Как всегда, без зонта. Художник не носит зонт. Под дождем можно плакать. Под дождем можно выть. Под дождем можно отмывать душу, память, чувства. Под дождем можно просто быть и не быть одновременно.

Вот и все. Я стою на мосту, который ведет в никуда. Под ногами пена тумана. Над головой вековые деревья. Зачем я пришел? Что потерял? Кого? Себя.

Вот и все. Ни художник, ни Бог. Никто. Холсты и краски уносит река. Так она понесет и меня. Один. Во всех жизнях. Один. Без тебя.

Вот и все. Самое поганое, что есть в этом мире – надежда. Я надеялся. А надо было жить.

Вот и все. Меня больше нет. В твоей жизни меня больше нет. Вот он, мост. Вот он, край. Вот он я.

Прощай, Хлоя. Я буду любить тебя вечно.

## Хлоя

Что ты наделал, Анжей?.. Что ты натворил, мальчик?

Твою мать, ты что, не читал в детстве сказок?! Тебе было некогда? Ты рисовал?!

И что ты оставил мне? Контур тела мелом по земле. Три окурка. Сволочь... Какая же ты сволочь, Анжей. Ты всегда поступал так, как хотел. И этот раз не стал исключением. И следующий не станет. Все решения в одну сторону. Ни записки. Ни следа. Ни-че-го. Ты не оставил мне ничего. Ты не оставил во мне ничего. Заполнил собой все. Мое все. И ушел.

Кто тебе все это разрешал? Быть мне воздухом и водой? Быть мне. И быть во мне. Точка разлома. Меня. На две половины. До тебя. И после. Рублю слова, как деревья. Закуриваю и умножаю пепел вокруг. Я знала, что ты придешь всегда. Если позову. И если никогда нет. Теперь я не знаю ничего.

Твой характер. Не поддается дрессировке. Мало слов. Много дела. Большая редкость в наши дни. Обычно бывает наоборот. Как у меня. Как у всех. Пока ты был, мне не было большого дела, что тебя может не стать. Теперь ты предлагаешь мне одной выпутываться из сложившихся обстоятельств. А я умею только разговаривать, Анжей. Делать из нас двоих умел только ты. Фокусник и иллюзионист. Великий обманщик этого века. Я клялась, я зарекалась держать свою душу на замке. Замок на месте. Ты вошел без ключа. И вышел. Верни на место то, что ты забрал. Верни, Анжей... Ты не знаешь, сколько стоят мои слезы... Ты никогда не верил в то, что я умею плакать.

Ты не дал мне времени принять. Меня саму в себе. Тебя со всеми твоими нервами и их срывами с допустимых манер поведения. Твое сумасшедшее искусство, которым ты бредишь днями и ночами, заставляя меня вечно стоять где-то в стороне, пока ты стоишь в сумерках и рисуешь. Хочешь, чтобы любили только тебя. Хотел. Никогда не согласился бы на меньшее. И вот теперь я стою здесь одна. На мосту, который ведет в никуда. Твои и мои окурки. Мел. И что я должна сделать, Анжей? Прыгнуть следом?

И что ты тут делал? Сигарета в зубах. Руки в карманах плаща. Все, как ты любишь. Гордый. Больной. Мокрый. Мертвый. Контур мела и мое тело. Принимаю его. Принимаю тебя в себя. Не сможешь больше обнять, как раньше. Пусть будет хотя бы так. Пусть будет, Анжей. Я в границах тебя. Пустота. Кто учил тебя жить?..

Никогда не смотрел мне в глаза. Берег душу. Чью именно? Какая теперь разница. Если бы смотрел, прочел бы многое. Жаль, что сослагательное наклонение не оборачивает время вспять. Что мне теперь делать, Анжей? Ты ушел, а я осталась. Ты сбежал, а мне стоять тут вечно. Потому что я не знаю, куда мне идти. Ты никогда не объяснял мне этого простыми человеческими словами. Предлагал самой выбирать. Потому что ты сам давно выбрал. Счастливый. Даже в смерти своей ты счастливее меня. Я видела дно твоей души. Я испугалась доплыть до

своей. Кто теперь заберет меня отсюда? Никто. Я не сойду с этого места ни с кем, кроме тебя. Вернись...

Твое тело... Мое тело... Твоя душа... Моя душа... Никогда уже не будет ничего общего. Я бы все отдала, чтобы... Чтобы что?.. Чтобы ты стал живым? Бред... Завтракать на подоконнике, когда ночь меняется с днем. Сидеть в колючих свитерах и зажимать в руках чай/кофе, кому и как под настроение. Бродить весь день по тем местам, куда не глядя я отправлюсь за тобой след в след, потому что ты можешь из любого простого места сделать волшебное.

Мел и пепел. Без тебя уже не уснуть, Анжей. Значит, можно еще покурить. Скоро ты станешь травой... Через тебя прорастут деревья и трава... И, может быть, хоть тогда ты успокоишься... У меня больше нет слез. У меня больше нет слов. И у меня тоже уже нет. Ты мертв. Я навечно останусь здесь. Вот и все, Анжей. Ты победил.

## Хлоя

Мне кажется, Анжей, что я начинаю тебя понимать. До принятия еще слишком далеко. Проходит время, а я все никак не успокоюсь. Лишь бы там был спокоен ты. Остальное приложится. Я бы никогда не изжила эту крайнюю степень твоего упрямства и скепсис по отношению к тому, что у других людей тоже может быть душа. Пешки. Грязь. Косвенно и опосредованно. Через прямую речь и грубые манеры. Пожалуй, я слишком много на себя взяла. Думала, что знаю о тебе все. Что читаю тебя как книгу. Как хорошо раскроенный роман. Эссе с претензией на гениальность. Нобелевскую речь. Мое личное заблуждение, которое лечится только тем фактом, что ты уже дважды выбирал не меня. Краски. Мост. А где же, мать твою, Хлоя? Я ненавижу тебя не за смерть. А за то, что ты никогда не скрывал, что я для тебя «всего лишь».

Ты камень. Огромная ледяная глыба. Этот лед нельзя растопить. Да и лучше не соваться в те части твоих предложений, когда ты говоришь мне «не спрашивал» и «так надо». Не знать о тебе все, ибо слова не слетают с твоего языка и не вырываются шантажом и манипуляциями. Ты делаешь так больно, что трещат ребра и лопается кожа. Ты умеешь защищать то, что принадлежит тебе. И не дай бог оказаться по ту сторону баррикад. С тобой всегда одни вопросы, на которые ты так и не потрудишься вежливо отвечать. С тобой «всегда». С тобой можно мыслить и жить большими крупными словами. Пора прекратить говорить в настоящем времени о том, что уже прошло. Я приучаю себя к мысли, что тебя больше нет. Что я умею и могу жить дальше без тебя и этих не проходящих воспоминаний. Я не могу, Анжей. Я не могу снова начать дышать. Меня удерживает здесь одно. Я не могу тебя простить за это вечное неприкрытое ничем пренебрежение. За эту роль второго плана. За то, что ты хотел такой любви, которую не мог дать сам. Ну так не доставайся же ты никому, Анжей. Ни мне, ни своему искусству.

Одиночка. Вечный странник. Голодный. Нелюбимый. Злой. Это то, чем платят тебе люди за твой талант и твою способность отделять себя от других своей палитрой. Дикий. Стоящий выше каждого и нисколько не скрывающий сей факт. Оттого и вечно падающий так больно. И глубоко. В пропасть. С моста. Сука. И восхищаюсь, и презираю. Презираю за то, что никогда не смогу подняться так высоко, чтобы встать с тобой вровень. Ты же не дашь. Даже если и я с тобой по одной крови и по сходной судьбе, ты заранее приговорил меня шлаться где-то на задворках, чтобы ничто не оттеняло твоего лица от всех желающих на него посмотреть. Но знаешь, Анжей, ты тоже смертен. Да и у меня есть свое ремесло. Вот мой посмертный нож тебе в спину. Наслаждайся, художник.

Уже никто из нас не узнает друг о друге настоящее. Ты – о моем ремесле. Я – способен ли ты быть искренним. Плевала я на это... Я лгу. Потому что я кустарь, и Бог не выбирал меня в свои проводники. Я лгу. Вторая роль имеет право на ложь. На фоне главного героя можно говорить чушь. Ее все равно никто не услышит. Но нужно как-то отыгрывать позиции. Поэтому считаю, что ты мне должен. Я выбираю иллюзию, Анжей. Настоящее чересчур жестоко. И я не

настроена принимать его ни на йоту. И моей иллюзии виновник всего – ты. И с этим, Анжей, очень сладко жить.

Когда-нибудь я буду готова к личной правде. Когда-нибудь. Но не сейчас. Она слишком тяжела. Тяжелее, чем камни, которым я даю жизнь. Умение кустика. Не от души. Но на совесть. Как умею. Как могу. Так, как хочу и желаю я. Ты мертв. Но есть скалы. Даже в камне, Анжей, есть жизнь. Я не принимаю правду. Но я принимаю зарок. Я сохраню тебя в камне, мальчик.

Опять вхолостую. Снова на надрыве и изломе. Что я создаю? Я создаю тебя. Заново. По памяти, которая не хочет забывать. Которой нужно помнить все от и до. А иногда даже больше. И ты уже никогда никуда не уйдешь. Горы не ходят. Горы стоят вечно. И ты будешь вечным. Моим...

## Хлоя

Забираюсь в кресло с ногами и беру в руки книгу. Автор мне не известен. Помнишь, как мы болтали?... Минуты, переведенные в слова. Я помню. Я помню все. Хотя было бы лучше это забыть. Забить досками. Закрывать на замок. И никогда и ни при каких обстоятельствах более к этому не возвращаться. Мертвые должны лежать в земле. Ты лежишь в моей памяти. Руинами. Вечностью. Пустыней. Которую не перейти. Песком. Который не пересыпать. Ты лежишь в моей памяти снегом, который не тает. Льдом. Под которым не видно воды. И я с трудом глотаю слова. Буквы плывут по слезам. Как ты мог умереть, Анжей? Как ты посмел?

Перелистываю страницы. Уже в который раз. Просто теперь время тянется без тебя. И мне нужно хоть как-то употребить его с пользой. И сколько я не говорю себе о смирении и способности жить уже практически в одиночку, я могу поверить себе и ни одному своему слову, потому что я вру. Вру и не краснею. Потому что я могу жить без тебя, Анжей. Но я не хочу.

Приведи мне Дракона, мальчик. Даже ценой своей собственной жизни. Приведи. Я знаю, что этого никогда не будет. Тихо, из-под руин памяти всплывает прошлое. Оно будет мучать меня, пока я не стану старой, никому не нужной Хлоей. Пока я не соберусь отдать богу душу, я буду жить и помнить все твои слова. И мне наплевать, на каком языке они могли быть сказаны, написаны, выдуманы или прочтены. Я за содержание, Анжей.

Ты умел говорить красиво. Четко. Не повторяясь. Ты умел выбирать. Сначала для себя. А потом для меня. Я же поручила тебе это. У тебя всегда был хороший вкус. На книги. На шапки и свитера. На людей. И вот я снова злюсь. Ты опять нарисовал меня в чужой стране. В странном городе. Узкие улицы. Непонятный язык. Грязная речь. Это все, что ты мог сделать до моста? Открываю книгу и не могу разобрать ни слова. Черт возьми, Анжей, ты издеваешься?! Что это? Греческий? Венгерский? Твой фанатично почитаемый огамический алфавит? Без разницы. Хорошая выйдет метафора, если над этим поразмыслить не спеша. Ну так у меня же здесь уйма времени... Твоими молитвами, Анжей. Только твоими молитвами... Ко всем моим недостаткам, о которых знаю только я сама, добавился еще один – я становлюсь сволочью. Раньше я грешила только резкими словами. Теперь я циник. Со всеми вытекающими. Очень хорошо, что ты меня не видишь. Ты не одобрил бы этих перемен. Хотя, а не пошел бы ты?.. Не надо было умирать.

Да почему я все время тебе исповедуюсь?! Кто ты такой? Мне хочется надавать тебе оплеух за твою бестолковость. Только ты мог поместить меня туда, где я не смею ни читать, ни говорить. Предусмотрительный. Ревнивый. Ну как такого можно не любить? И все равно ненавижу, Анжей... Не-на-ви-жу....

А может, больше и не нужно ничего читать? Про тебя не пишут книг. О тебе не сообщают в газетах. Ты не мелькаешь в радиосводках. Не мараешь собой телеэкраны. Тут и так

достаточно вестей. Как будто я не вижу, что ты там творишь. Как будто ты не видишь, что твою здесь я сама. Мне приятно думать, что ты живой. В камнях тоже есть жизнь.

Я срываюсь на крик. Потому что вижу, во что превращаюсь. По твоей великодушной милости. Я всегда была и такой тоже. Только ты этого не замечал. Ты приказал себе этого не видеть. И вот до чего довели и тебя, и меня эти детские игры в прятки. Тебе всегда были нужны только образы. А ты знаешь меня настоящей? Не думаю, Анжей. И сказать бы тебе все как есть. Без слов. Без этой своей гордости. Ты не пытался меня изменить. Осудить. Сказать мне, что я не права. Указать на то, что я делаю что-то не так. Ты был рядом. Смотрел. Говорил. Дышал. Так зачем мне была нужна эта гордость, когда ты никогда ничего у меня не отнял. И мне, по правде сказать, все это время было совершенно нечего защищать. Рядом с тобой я была свободна. Было ли мне видно это тогда? Мне заметно это сейчас. Мне не приходилось отстаивать перед тобой саму себя. А ревность... Ее я любила больше всех твоих мелочей. Тебе хватало ума выправлять свою речь. Или прикрывать рукой рот. Но я всегда ощущала, как сильно я тебе нужна.

Знаешь, почему я так много думаю о тебе? Потому что ты меня любил. А не делал вид. Ты любил меня всю. Ты любил во мне все. И мертвый тоже любишь. Может, даже еще сильнее. Я хочу, чтоб сильнее. И чтобы только меня. Ты не делил меня на части. Не пытался эти части изменить. И теперь я тоже могу признаться тебе кое в чем. Хорошо, что ты этого не слышишь. Хорошо, что ты все-таки там, а не тут. Хорошо, Анжей. Это правильно и хорошо.

Болит голова. Камень не пропускает слез. Гейсы судьбы требуется исполнять. К черту твою книгу. Камень не терпит сомнений. Камень требует сил.

### **Анжей**

Сколько лет прошло с тех пор, как я решил забыть дорогу домой? Сколько могло бы еще пройти? Я лежал на камнях и плакал. А вокруг меня была тьма. Она была мне матерью и отцом. Гладила мои волосы. Пила со мной чай и вино. Играла в кости, нарды, шахматы. Она сделала меня своим сыном, чтобы я не был сиротой. Она дарила мне снег майскими ночами, чтобы я умел любить белое. Она будила меня январским утром теплой солью морей, наполняя стаканы доверху, чтобы я знал, что такое тепло и сказки. Она собирала меня в дорогу, оставляя в левой руке компас, а в правой карту, чтобы я не боялся потерять дорогу. Чтобы я всегда знал, что вернусь.



## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.